

Ближе к полудню, когда подошло время сворачивать торговлю, Чжун Мин сходил к колодцу на соседней улице и принёс две ведра воды, чтобы протереть столы и пол, а грязную воду выплеснул в земляные канавки для стока по обеим сторонам улицы.

Су И тем временем собирал на столе оставшиеся вещи. Подняв пустой кувшин, он заметил:

— Сегодня я принес три кувшина соуса — один отнёс управляющему Синю, а два, что остались, разошлись подчистую. Раньше всегда хоть на донышке что-то оставалось, а сегодня, выходит, даже взял слишком мало.

Прежде он продавал понемногу, потому и готовил немного. Теперь же стало ясно — если и дальше делать по старому объёму, то будет не успевать за спросом.

— Всё потому, что это ведь Южная улица, — пояснил Чжун Мин. — Ты разве не заметил, что сегодня к нам подходили несколько покупателей, которые, судя по их виду, раньше бы и не подумали зайти на рыночную площадь у пристани? Теперь и они заходят к нашему прилавку, вот и выходит, что людей стало больше, значит, и товар расходуется быстрее.

Су И, обдумав сказанное, и сам признал, что, похоже, так оно и есть.

— Если так, то, пожалуй, ставить ларек, где только один соус продаётся, — как-то маловато, — сказал он. — Сегодня ведь ещё спрашивали, нет ли у нас соевого соуса. Жаль, что я его совсем не умею делать, а то можно было бы вместе продавать.

Вывеску с иероглифом «соус» для их лотка Чжун Мин учил Су И писать сам. Получилось написать ровными, аккуратными штрихами, и смотрелась она весьма заметно. В городе людей, умеющих читать, немало, и многие покупатели подходили именно потому, что увидели эту вывеску. Соевый соус, как и соль, был в каждом доме, и, завидев, что тут торгуют соусами, разве удержишься, чтобы не спросить? Ведь каждому приятно купить всё в одном месте, не бегая по разным лавкам.

— Нам делать соевый соус невыгодно, — пояснил Чжун Мин. — Во-первых, бобы придётся закупать у деревенских, а это лишние расходы. Во-вторых, соевый соус не то, что креветочный, его продают на каждом углу. Многие, кто сами бобы выращивает, и готовят его сами, так что по цене мы их всё равно не перебьём.

Заметив, что у Су И чуть потух взгляд и брови сошлись в лёгкой досаде, он добавил:

— Это ведь только первый день. Торговля всегда начинается с проб и ошибок. Вернёмся домой и вместе ещё подумаем.

Су И перестал гонять лишние мысли, и вскоре на столе уже не осталось ни одной вещи. Чжун Мин не стал звать его на помощь, сам сложил оба длинных стола один на другой, закинул их на

плечо и отнёс под дерево к стене. Там он накрыл их промасленной тканью, чтобы защитить от дождя и пыли, а сверху прижал камнем, чтобы ветром не сдуло.

Эти два стола Чжун Мин купил в столярной мастерской семьи Пан. Дерево было не ахти - кое-где бросались в глаза крупные сучки, да и в работе чувствовалась рука ученика: приглядевшись, можно было заметить немало шероховатостей и недочётов. Но для уличной торговли вполне годилось.

Обошлись они в восемь цзяней серебром, и хозяева мастерской, которым Чжун Мин уже не раз приносил прибыль, не возражали против того, чтобы он после торговли оставлял столы у стены под деревом.

Прошло несколько часов, и шум на пристани заметно стих по сравнению с утренним, когда только вывесили новое объявление. К полудню в город почти перестали приходить новые лодочники с товаром, а сборщик податей, забравшись в бамбуковый навес лодочника-сторожа, уже мирно клевал носом.

Чжун Мин нарочно прошёл к месту, где висело объявление, и внимательно взглянул на него. Чёрные иероглифы на белой бумаге гласили ровно то же, что он знал ещё в прошлой жизни, и что на этот раз узнал от Цзянь Цзю.

Он прочёл вслух, а Су И, выслушав, тихо вздохнул:

— Похоже, жизнь у людей воды снова станет нелёгкой.

Раньше он не раз слышал, как дядя или Лю Ланьцао бранились дома, говоря, что налоги год от года только растут: помимо привычных податей с двора, налогов на лодку и рыбного оброка, появились ещё и соляной, и жемчужный, и даже налоги на мальков, на рыбий пузырь, на рыбий жир...

Говорили, что у речных лодочников поборы ещё причудливее: там и налог на бакланов, и на рыболовные заводы, и на перья... Разве что за еду, питьё и нужду ещё не обложили.

Многие из этих поборов изначально полагалось платить не серебром, а определённым товаром, но чем больше становилось названий, тем чаще требовали именно деньги. Так и получились все эти «тяжкие поборы и разнородные налоги».

Даже Су И знал обо всём этом немало, а Чжун Мин задумывался о таких вещах куда глубже.

— Когда же у нас жизнь бывала лёгкой? — произнёс он.

Поколение за поколением они рождались и жили на лодках, кочуя по водам, не от хорошей жизни, а потому что иного пути не было. И если бы когда-то им представился шанс ступить на

берег и закрепиться там, кто бы от такого отказался?

Только вот о планах на будущее Чжун Мин пока не говорил с Су И. Без опоры на факты такие слова прозвучали бы лишь пустыми грёзами. Он решил дождаться того дня, когда у него будет больше средств, и только тогда дать супругу обещание.

Поднявшись на лодку, чтобы вернуться в Байшуйао, они везли немало вещей, и за это пришлось доплатить десять вэней. На этот раз перевозчиком оказался молчаливый старший фулан, похоже, родом из Байшаао; Чжун Мин и Су И его не знали, и всю дорогу никто из них особенно не заговаривал.

Чжун Мин же отметил про себя, что раз уж теперь им предстоит почти каждый день ездить в уезд на торг, то постоянное пользование переправой через Хэншуй станет серьёзным неудобством. Сегодня утром их до рынка подвёз Тан Дацян, который шёл к устью за водой, иначе с таким количеством улова и товаров одна лодка вряд ли справилась бы. Похоже, в дальнейшем будет куда проще и надёжнее самим подгонять свою лодку прямо в уезд.

Ступив на берег Байшуйао, они сняли с плеч коромысла с тяжёлой ношей. Солнце поднялось высоко, обдавая зноем, пот струился по лицу; широкие соломенные шляпы хоть немного спасали от жары, но всё же оба мечтали лишь как можно скорее добраться до своей лодки, сложить вещи, выпить глоток прохладной воды и перевести дух.

На полдороге им повстречались братья Лю Шуньфэн и Лю Шуньшуй.

По обыкновению, встретившись, следовало бы перекинуться парой слов, но не успели они подойти ближе, как Лю Шуньшуй уже резко сменил направление, увлекая за собой и старшего брата. Это было уже не в первый раз. Чжун Мин заметил, что с тех пор, как он и Су И поженились, Лю Шуньшуй стал куда более отчуждённым. Изредка, когда уж совсем нельзя было разминуться, тот всё же обменивался с ним несколькими дежурными словами, но взгляд прятал и спешил ретироваться.

Он даже по возвращении домой ломал голову, не сказал ли или сделал чего обидного, но так и не вспомнил ничего, что могло бы вызвать подобное отчуждение. Если бы не знал, что сердце Лю Шуньшуя уже отдано другому геру, он мог бы заподозрить, что тот, втайне питая чувства к Су И, видит в нём соперника, отнявшего возлюбленного.

Будь он всё тем же вспыльчивым простаком, каким был в прошлой жизни, наверняка бы перехватил Лю Шуньшуя и задал прямой вопрос. Но теперь, многое пережив, он уже понимал: некоторые связи невозможно сохранить на всю жизнь. Сегодня вы сидите за одним столом, клянетесь в братской дружбе и делите чашу вина, а завтра вас уже разделяет сама смерть.

В конце концов, Чжун Мин был уверен, что не сделал Лю Шуньшуя ничего дурного, а значит, у того на то своё объяснение. Раз он молчит, пусть так и будет. Сейчас у него и без того дел хватало: только что женился, рядом супруг, нужно думать и о доме, и о заработке, а на посторонние, мало касающиеся его дела, времени не оставалось.

Тем временем Лю Шуньфэн, которого брат потащил в сторону, закипал от злости, глядя на его мнущуюся и никуда не годную манеру.

— Ты что, травы какой не той наелся? — сердито бросил он. — Всякий раз, как встретишь А-Мина, голову в плечи, глаза в пол. Он тебя чем обидел, что ли? Или ты, не приведи Небо, сотворил за его спиной что-то такое, что и сказать стыдно, теперь боишься, что он узнает?

В их семье именно Лю Шуньшуй всегда был с Чжун Мином ближе, чем старший брат. Сам Лю Шуньфэн был постарше обоих, и если бы не случай вроде того, как недавно, когда Лю Шуньшуй пригласил Чжун Мина к себе на лодку поесть, то при встрече они бы ограничились кивком. Поэтому странное поведение брата казалось ему особенно непонятным.

— Сегодня же всё мне скажи начистоту, — потребовал Лю Шуньфэн. — Что бы там у тебя с А-Мином ни было, этот узел надо развязать, нам ведь ещё просить его о деле.

Лю Шуньшуй прекрасно понял, о чём говорит старший брат. С утра они, как обычно, отправились на пристань продавать улов, но узнали, что сбор с рынка подняли, да ещё ввели новый налог на рыбу. Настроение сразу упало: один из них кормит семью и детей, другой собирается жениться и копит на выкуп. Теперь и так скудная прибыль станет ещё меньше. И тут до них дошли слухи, что будто бы в Южной улице видели Чжун Мина с супругом, торгующих рыбой и креветочной пастой с прилавка.

Все люди воды знают, что их род из самых низших, а по правилам таким аренда торгового места в городе не положена. Подумали сперва, что сказавший перепутал, но Лю Шуньфэн нарочно сходил в Южную улицу, поглядел тайком - и правда, прилавков что надо, с табличкой городского управления торговли.

Он тут же догадался: Чжун Мин, должно быть, пустил в ход прежние знакомства в уезде и достал место, обошлось это наверняка и в звонкую монету, и в нужных людей. Такого не добиться, если за тебя никто не заступится, значит, и в уезде он не пустое место, а вовсе не такой, каким его расписывали старшие в их семье, мол, лодырь да бездельник, что по кривой дорожке ходит.

По сравнению с Лю Шуньшуйем он соображал быстрее и уже успел разложить всё по полочкам: даже если пришлось заплатить, оно того стоило - при наличии средств в долгой перспективе это всё окупится. Тем более, что их семьи и так были знакомы с Чжун Мином, а уж разузнать, что да как, и вовсе дело пустяковое.

Но стоило ему поделиться этой мыслью с Лю Шуньшуйем, как тот сразу стал пятиться назад. В Лю Шуньфэне от этого закипела злость, и теперь он решил во что бы то ни стало выжать из брата признание.

Лю Шуньшуй мялся и запинался, но под напором старшего в конце концов всё же выдал свою давно затаённую тревогу:

— ...В общем, вот так. Если я не скажу, и тётка с Юй-гером тоже промолчат, то А-Мин так и не узнает. Но у меня в груди этот камень — ни вздохнуть, ни выдохнуть. Мне просто стыдно перед ним показаться.

Лю Шуньфэн, дослушав, остолбенел. Несколько раз открыл рот, но так и не вымолвил ни слова, потом надолго замолк и только спустя мгновение сказал:

— Почему же я раньше не видел, что ты у меня дурак?

Он со злостью шлёпнул себя по лбу, только и чувствуя, что в голове туман. Ну как его родной брат мог сотворить такую глупость!

— Да у тебя, по-моему, в черепе морская вода плещется, а мозги рыбы объели!

Лю Шуньфэн ходил по кругу, закипая всё сильнее:

— Каким глазом ты разглядел, что А-Мин к Юй-геру неровно дышит? У тебя ведь и самого есть любимый гер, так вот, скажи — если бы у тебя выпал случай посидеть с мужиком из семьи того гера за одним столом да выпить, ты смог бы удержаться и не выспросить исподволь про него? А-Мин тогда лишь сказал, что у него уже есть тот, кто ему по сердцу, и больше ни слова, разве этого недостаточно, чтобы всё понять?

Он с хлопком ладони подчеркнул слова:

— А ты что сделал? Мало того что сам себе в голову набил ерунды, так ещё и побежал выложить всё Юй-геру! А он с тёткой будто из одной формы вышли, ты же знаешь, какой у него характер! С детства своенравный: бывало, в праздники из-за куска сахара до визга и слёз доходит, а уж когда дело доходит до такого храброго и толкового мужика, как А-Мин!..

Да ещё и «увел» его ненавистный Су-гер, как же он эту обиду проглотит?

Досказав это, Лю Шуньфэн вдруг сообразил:

— Так вот почему ты в последнее время и от тётки с её семьёй шарахаешься... выходит, с обеих сторон успел в немилость влезть.

Лю Шуньшуй обхватил голову, присел на корточки и уныло пробормотал:

— Старший брат, ну не ругай ты меня больше, я и так давно понимаю, что виноват! Но как теперь это загладить? Если я стану, как прежде, общаться с А-Мином, в душе всё равно будет сидеть страх, что он в какой-то день вдруг узнает про эту историю. Ты ведь знаешь, как тётка с Юй-гером к Су И относятся — сплошное презрение. В тот день, когда свататься приходили, у

них и так лицо нехорошее было, а слухи об этом по всему округу разошлись. Если А-Мин узнает, что половина причины в том, что я тогда наговорил, то хорошо ещё, если он просто не отлупит меня.

Он ткнул пальцем в песок, проделав сразу несколько дырок.

— На свадьбу я шёл, сердце в пятки ушло, а как увидел, с каким лицом люди на нас, семью Лю, смотрят из-за тётки, ещё больше стыдно стало А-Мину на глаза попадаться.

— А всё потому, что ты, молокосос, поумничать решил! — отрезал Лю Шуньфэн.

Лю Шуньфэн несколько секунд сверлил брата взглядом, потом твёрдо сказал:

— Эта история — как нарыв: хоть гляди в другую сторону, он всё равно лопнет, рано или поздно. Нет в мире стен, через которые ветер не просачивается. Так что лучше уж самому этот нарыв вскрыть, тогда хоть будешь знать, когда это случится, и сможешь вовремя подлатать.

Он рывком поднял брата, который сидел на корточках, будто гриб в тени, и подробно расписал, что именно тому надо сделать. В конце добавил:

— Пойдём вместе. И с пустыми руками являться нельзя, мы ведь идем извиняться. Выберемся в уезд, купим что-то приличное, а потом пойдём к ним на лодку.

Правда, таким образом почти наверняка дойдёт до тётки и обернётся ещё одной ссорой, но Лю Шуньфэн решил не придавать этому значения. Он уже всё понял: с тех пор, как они побывали на свадьбе у семьи Чжун, тётка своими выходками так их опозорила, что и остальным из семьи Лю стало неловко, даже отец с матерью упоминали её всё реже.

А недавно он и вовсе слышал, как мать ворчала, будто теперь и репутация семьи Лю в грязи, а это может испортить их младшей сестре все шансы найти приличного жениха в рыбацкой деревне. Да и, в конце концов, они идут не с барабанами и трубами, чтобы на весь уезд заявить о разрыве с родной тёткой, а лишь для того, чтобы развеять недоразумение. На праздники и в другие важные дни вполне можно будет соблюдать приличия.

<http://bllate.org/book/13583/1205021>